

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТАРЫХ,
АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ
ИНСТИТУТЫНЫҢ
ИШЛЕРИ

VII т.

Этнография сериясы

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

Ашгабат 1963

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

т. VII

Серия этнографическая

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Ашхабад 1963

А. ОРАЗОВ

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ПРИБАЛХАНСКИХ ТУРКМЕН В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

Материальная культура туркмен (в том числе их поселения и жилища) недостаточно изучена в этнографической литературе. Лишь в последнее время появились отдельные исследования советских авторов, посвященные поселениям и жилищам различных групп туркмен¹. Что касается работ дореволюционных авторов (Н. Муравьева, И. Бларамберга, К. Боде, М. Галкина, А. Вамбери, Н. Гродекова, П. Огородникова, Ф. Михайлова, К. Фёдорова и др.), то в них лишь в общих чертах затрагивались вопросы материальной культуры туркмен вообще, кочевых жилищ в частности. Специальных исследований, посвященных поселениям и жилищам прибалханских туркмен, не существует. Настоящая работа является одной из первых попыток в этом направлении. Статья основана на полевых этнографических данных, со-

¹ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953; Г. Е. Марков. Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. 23, 1955; П. П. Иванов. Основные типы жилища туркмен в переходной период. Туркменоведение, 1930, № 1; Он же, Ой—кибитка. Туркменоведение, 1930, № 8—9; А. Джикиев. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря. Советская этнография, 1957, № 4; Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений в XIX в. в Хорезме. Сов. этногр., 1959, № 5; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области. Среднеазиатский этнографический сборник, № 1, «Труды Института этнографии АН СССР», т. XXI, М., 1954.

бранных автором во время его работы в составе этнографических экспедиций МГУ и ИИАиЭ АН ТССР в 1957—1958 гг. При ее написании использованы также полевые записи Г. Е. Маркова за 1953 г. по истории хорезмских туркмен.

Кочевое жилище различных групп туркмен описано более или менее в работах П. П. Иванова, Я. Р. Винникова, А. Джикиева и других авторов. Эти исследования послужили при написании данной статьи в качестве сравнительного материала. Наибольший интерес для исследуемой темы представляет статья А. Джикиева, в которой описываются поселения и жилища прибрежных туркмен-огурджалинцев — ближайших соседей прибалханских иомутов. Материальная культура этой группы туркмен, несмотря на некоторые локальные различия, имеет много общего с культурой иомутов Прибалханья.

Кочевое экстенсивное скотоводческое хозяйство прибалханских туркмен обусловило во многом тип их поселений и жилищ. Поселения скотоводов Прибалханья располагались у водных источников — в предгорьях Больших и Малых Балхан и Кюрен-Дага, у границ песков Чильмамед-Кумы, Кара-Кумы, по Узбою и в районах северных колодцев на кырах.

Поселения описываемой группы туркмен в конце XIX—начале XX в., в соответствии с годовым кочевым скотоводческим циклом, делились на летне-осенние (яйлаг), зимние (гышлаг) и весенние (язлаг). Поселения прибалханских скотоводов XIX в., в отличие от постоянных оседлых поселений туркмен восточного побережья Каспия и Хорезмского оазиса, носили сезонный характер, в них скотоводы жили только определенную часть года. Это было связано с системой перекочёвки скотоводов на летне-осенние, зимние и весенние пастбища.

Летом и осенью скотоводы, как правило, жили на летовках-яйлагах, где они проводили по 6—7 месяцев в году (обычно с мая по ноябрь). Яйлаги были основным местом жительства скотоводов, где располагались их главные водные источники — роднички, кяризы и колодцы. Поэтому на крупных летних кочевьях-яйлагах собиралось ежегодно значительное количество скотоводческих хозяйств из различных племенных подразделений, образовывавших большие аулы (оба). Но число кибиток в летних поселениях не было постоянным; оно менялось: их то становилось больше, то меньше, в зависимости от наличия травы для скота и воды в источниках для водопоя. Большие «оба» — летние поселения, в отличие от маленьких кочевых «оба» (называвшихся по имени старшины), именовались по названию местности, ко-

лодцев, кяризов и пр., например Кяриз-оба, Кошагыр-оба, Аккуи-оба и т. д.

В окрестностях Больших Балхан на разных расстояниях друг от друга располагалось множество летне-осенних поселений иомутов-скотоводов, в том числе Кяриз I, Кяриз II, Кошагыр, Огланлы, Караилем, Учгёз, Патма, Порсы и др. Эти кочевья были наиболее крупными летними стоянками скотоводов в этом районе, имевшими вокруг себя хорошие степные и горные пастбища, благоприятствовавшие летне-осенней пастьбе скота.

В Забалханье известными летними поселениями-стоянками скотоводов были аулы: Аккуи, Янкуи, Оюклы, Худайберды, Аджикуи и др., расположенные у одноименных колодцев на стыке между песками и степью. Северобалханская степь шириной примерно 20—40 км (лежащая между горами Большие Балханы и песками Чильмамед-Кум) славилась хорошими пастбищами и использовалась кочевниками главным образом для весеннего и летне-осеннего периода пастьбы скота.

В северном районе кочевания прибалханских иомутов находились их основные поселения: Гёзлиата, Кемалата, Гокдере, Коймат, Донгра, Чагыл, Куйзешевур, Эдисюри, Алтыкуйрук, Демирджен и др. Многие из этих кочевий, в отличие от описанных выше летних стоянок в Забалханье и предгорьях Больших Балхан, служили скотоводам также и зимними поселениями.

По данным 1872 г. на описанных выше кочевьях-летовках прибалханских иомутов в 1870—1871 гг. имелось следующее количество кибиток²:

Название поселений	Число кибиток	Качество воды в источниках
Джебел	20	пресная
Кутол	80	"
Бала-Ишем	40	"
Ташарват	135	"
Ушак	60	"
Кяриз	80	"
Огланлы	100	"
Кошагыр	60	"
Аккуи	40	"
Ирикли	60	"
Оюклы	80	"

² Туркмены иомудского племени. Военный сборник, 1872, т. 83, № 1, стр. 69—70.

Название поселений	Число кибиток	Качество воды в источниках
Аджикуи	50	солончатая
Гезлиата	200	пресная
Кемал	70	"
Сюйли*	60	солончатая
Сюльмен*	100	"
Янгаджа*	40	"
Демирджен	40	"
Язгишем	70	пресная
Эдисюри	110	солончатая
Донгра	50	"
Чагыл	80	пресная
Коймат	80	"
Авламыш	40	"
Туер	50	"
Депме	40	солончатая
Дирин	60	"
Гокленкуи	30	пресная
Кумсебшен	100	"

Примечание. В кочевьях, обозначенных звездочкой, летом 1870 г. туркмены не кочевали.

Предгорья Кюрен-Дага снабжены пресной водой значительно лучше, чем пустынно-равнинная степь. Здесь, наряду с колодцами, имеются многочисленные родники, кяризы и мелкие горные ручейки. Поэтому естественно, что в предгорьях (у водных источников) сосредотачивались наиболее крупные поселения (летние стоянки) скотоводов, в числе которых были: Даната, Барслы, Обой, Узун-Су, Искандер (Ушак), Пароу и др. К северу от них на границе такыров и песков находились летние поселения: Капланли, Тачмамед, Онкуи и др. По летним кочевьям, расположенным между Кюрен-Дагом и руслом Узбоя, летом 1870 и 1871 гг. кочевало следующее количество хозяйств³:

Название поселений	Число кибиток	Качество воды в источниках
Даната	70	пресная
Барслы	200	"
Обой	120	"
Чаир-Су	160	"
Казанджик	80	"

³ Туркмены иомудского племени. Военный сборник, 1872, т. 83, № 1, стр. 70.

Название пос елений	Число кибиток	Качество воды в источниках
Эждери	100	пресная
Узун-Су	70	"
Арбат	50	"
Ушак (Искандер)	30	"
Айлин	60	"
Ярыклы	40	"
Шорджа	20	солончатая
Онкуи	220	пресная
Гяур	180	"
Динар	160	"

Часть летних кочевьев-поселений прибалханских иомутов была расположена по Узбою. По данным 1871 г., здесь летом имелось следующее количество хозяйств⁴:

Название поселений	Число кибиток	Качество воды в источниках
Беураджи	140	пресная
Джойрук	150	"
Ясха	200	"
Кара-Тегелек	120	"
Топьяган	150	"
Тогальк	180	"
Джамал	160	"
Халмаджи	40	солончатая
Игды	50	пресная

В летних поселениях-яйлагах Кяриз I и Кяриз II, Даната, Узун-Су и др., расположенных в предгорьях Больших Балхан и Кюрен-Дага, и прилегающих к ним районам, в отличие от других кочевьев скотоводов, жили не только летом, но и зимой. Часть жителей этих поселений сочетала в хозяйстве скотоводство с земледелием, хотя последнее имело незначительный удельный вес в их хозяйстве. Обычно в таких случаях часть хозяйств во время зимних перекочёвок оставалось в ауле для посева бахчевых и зерновых культур. Зимой они не уходили далеко от аула, отгоняя свой скот недалеко в горы⁵.

⁴ Туркмены иомудского племени. Военный сборник, 1872, т. 83, № 1, стр. 69—89.

⁵ См. А. Оразов. К вопросу о земледелии прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX вв. Изв. АН ТССР, серия общественных наук, 1960. № 1.

Скотоводы зимой уходили обычно на зимние пастбища либо в пески, либо в горы, где жили более трех месяцев (декабрь—февраль). Зимние кочевья прибалханских туркмен, в отличие от летних яйлагов, не были постоянными. Они устраивались обычно в укрытых безветренных местах, в зависимости от состояния погоды и наличия подножного корма для скота.

Скотоводы Прибалханья не имели постоянных весенних пастбищ. Во время весенней пастбы скота скотоводы вместе со своим скотом по два-три и более хозяйств кочевали по степи между горными грядами Больших Балхан и Кюрен-Дага и песками Чильмамед-Кумы и Кара-Кумы, а также по кырам на севере Прибалханья.

Поселения прибалханских туркмен в XIX в. были разбросанными и самой распространенной планировкой была кучевая (говчум-говчум отурмак). Скотоводы ставили кибитки, группируясь по родственным семьям и оба; исключение составляли отдельные кибитки бедняков и пастухов. На яйлагах — летних поселениях — собиралось по нескольку кочевых групп «малых» оба, нередко из разных племенных подразделений, и составлялось «большое» оба. Зимние и весенние поселения скотоводов состояли из малого оба или даже из отдельных хозяйств.

При этом каждая кочевая группа (оба) селилась обособленно. Кибитки ставились в одну линию, а иногда по кругу. Когда кибиток было много, их ставили в несколько рядов на небольшом расстоянии друг от друга. В середине, как правило, ставил свою кибитку глава семьи или старшина кочевой группы. Затем справа и слева ставили кибитки его сыновья, братья и другие близкие родственники по старшинству с тем, чтобы старшие сыновья и братья, ведущие самостоятельное хозяйство, оказались на краю аула. Самый младший сын жил вместе с отцом в одной юрте или ставил свою кибитку рядом с жилищем отца. Это делалось для того, чтобы помогать друг другу в хозяйстве.

Среди кочевых родственных групп (оба) попадались иногда и люди из других племенных подразделений, но они всегда составляли меньшинство в ауле. Эти люди попадали в чужой оба по разным причинам. Одни из них уходили из своего аула, совершив какое-либо преступление или поссорившись с родственниками, другие — бедняки или одинокие — нанимались на стороне в пастухи. Иомуты называли своих соседей «янашык», а людей из другого племени, живущих в их оба, — «гонши» (сосед)⁶. По обычаю, любой турк-

⁶ Текинцы называли таких людей «гельмишек» — пришелец.

мен мог поселиться в иомутском оба, получив на то разрешение у старшины аула.

Так как прибалханские туркмены в XIX в. не знали поселений и жилищ оседлого типа, у них не было усадеб и хозяйственных построек, как, например, у оседлых земледельцев Хорезмского, Прикопетдагского и Мервского оазисов. Это объясняется спецификой их скотоводческого хозяйства. У них для содержания скота сооружались только временные летние и зимние помещения (куме; корпеч) и загоны (чефери, агыл).

В летних поселениях скотоводы строили возле юрты небольшое помещение (куме). Оно имело обычно круглую форму в виде шалаша; его строили из стволов гребенщика, саксаула, кандыма (джузгун) и песчаной акации (созен), сверху покрывали травой (селин, патлак и др.). Куме заменяло скотоводам кладовку, где держали временно ненужные вещи, а также барана (баг гоюн), предназначенного для забоя.

Загон (чефери) для укрытия скота от холодных ветров строили, как правило, для каждого стада отдельно, неподалеку от зимнего поселения. Сооружался он из тех же материалов, что и куме. Стволы деревьев закапывались в землю по кругу. Для устройства загона использовались и мелкие кустарники (черкез, борджак, ёвшан и т. п.). В загоне оставался маленький проход, который закрывался на ночь дверцей. В гористых местностях загон (называемый также чефери) делали обычно из камней, огораживая небольшой стенкой. Каменные загоны использовались скотоводами и в последующие годы. Иногда вместо круглого загона строили полукруглый барьер (чефери) с подветренной стороны для укрытия скота от холодного ветра. Нередко в очень холодную зиму такое укрытие от ветров делали также для верблюдов.

В конце зимы во время окота, когда стояла еще холодная погода, для молодняка сооружалось специальное теплое помещение (корпеч). Для этого выкапывали землянку обычно размером один-полтора метра шириной и полтора-два метра длиной. Глубина сооружения не превышала обычно одного метра, чтобы сверху можно было руками достать ягнят. Затем сверху землянку перекрывали стволами гребенщика, кандыма и других деревьев, поверх чего устилали травой и покрывали старым килимом и войлоком. Посередине «корпеч» оставляли дверное отверстие для поступления воздуха. Пол засыпали песком или застилали его мягкой соломой, чтобы теплее было молодняку. Корпеч обычно сооружали отдельно для ягнят и козлят, где их держали в течение первых 10—15 дней. Более зажиточные скотоводы имели по несколь-

ку корпеч, используемых после ремонта и чистки на следующий год.

Затем некоторое время молодняк держали в юрте за невысоким ограждением (агыл), устраиваемым на мужской половине юрты; здесь же иногда содержали слабых и больных овцематок. При малом количестве молодняка его содержали только в юрте. Агыл устраивали, как правило, зимой во время окотной кампании из специально сплетенной для этой цели камышовой циновки (гузы гамыш — дословно — циновка для ягнят). При отсутствии ее использовали для этой цели камышовую циновку юрты. Циновку укрепляли с помощью кольев. Для этого юрту разделяли на две неровные части в зависимости от количества молодняка: в западной от входа половине держали молодняк, а в восточной жила семья.

Основным жилищем прибалханских туркмен в XIX в. была переносная войлочная юрта, в которой жили в течение круглого года. Существовали два основных вида кочевого жилища (юрты): кибитка «гараджа ой» и полукибитка «орача», различавшиеся по своим размерам и конструкции. Орача была меньше обычной юрты и проще устроена. У прибрежных туркмен она была известна под названием «гарып чатма» (бедняцкий шалаш)⁷.

Юрта изготовлялась из особого дерева⁸. Сверху она покрывалась войлоком, в нижней части обшивалась камышовой циновкой (рис. 1). Деревянная часть юрты состояла из решетчатого остова (теарим), тонких изогнутых жердей (уг), массивного деревянного обруча (туйнук) и дверей. По внешней форме юрта прибалханских туркмен была полусферической, несколько придавленной к земле, что, очевидно, было вызвано климатическими условиями края. Текинская юрта была выше иомутской.

Туркменские юрты различались и по размерам, которые определялись обычно количеством её деревянных решеток (ганат) и жердей. Иомутская юрта обычно не имела больше четырех решеток. Количество жердей в ней колебалось от 55 до 65, тогда как у текинцев встречались юрты с шестью и восемью решетками⁹. Число жердей в юрте зависело от

7 А. Джикиев. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря. Сов. этногр., 1957, № 4, стр. 80.

8 Строительным материалом для юрт в Мервском оазисе служило лёгкое дерево совуг или тал, а для иомутской юрты — аззар и различные виды других горных деревьев.

9 Описание текинской юрты см. Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области, стр. 44—48.

количества и размера ее решеток. Так, текинская юрта с четырьмя решетками имела от 82 до 92 жердей, а в юрте с шестью решетками число их доходило до 125—130¹⁰. Чаще всего юрта в Прибалханье имела 60 жердей. Встречались здесь также большие юрты с 64—65 жердями (улы ой), у которых решетки бывали больше, чем в обычной юрте. Большую юрту могли иметь только зажиточные скотоводы, она стояла дороже, чем обычная юрта.

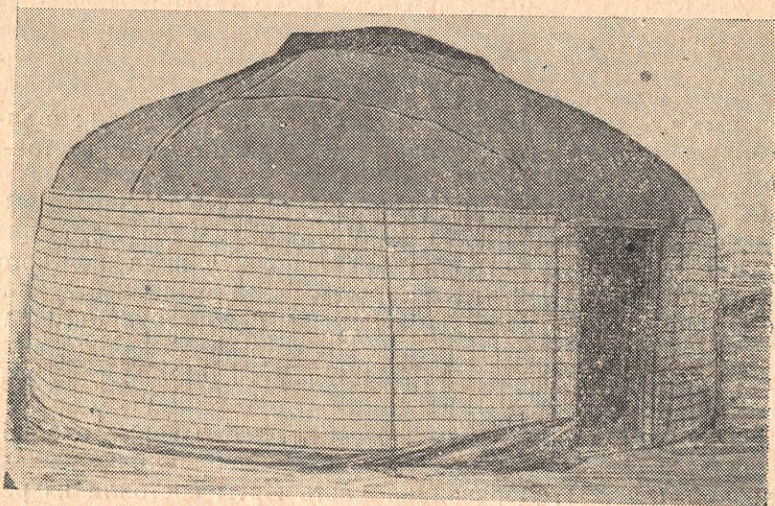

Рис. 1. Общий вид юрты „гараджа ой“.

Юрта прибалханских иомутов по размерам мало отличалась от аналогичных жилищ соседних с ними прибрежных туркмен-огурджали¹¹. Она также имела большое сходство с юртой туркмен-иомутов Хорезмского оазиса. Так, например, у северной группы иомутов, по описанию Г. П. Васильевой¹², количество жердей в четырехрешетчатой юрте колебалось от 54 до 60. Об этом свидетельствуют также данные полевых записей Г. Е. Маркова.

Иомутская юрта отличалась от юрты других туркменских групп, в частности от текинской, не только внешней формой и размерами, но и рядом других особенностей. Малое коли-

¹⁰ Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области, стр. 45.

¹¹ Для сравнения см. А. Джикиев. Указ. работа, стр. 79.

¹² Г. П. Васильева. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 456.

чество решеток и жердей в иомутской юрте делало ее удобной для перевозки на верблюдах во время перекочёвок. Иомутская юрта была прочна: она изготовлялась из крепкого горного дерева «аззар», растущего в Иране. По сведениям информаторов, были известны два вида этого дерева — белое и красное. Юрта, сделанная из белого дерева, стояла обычно 10—12 иранских туманов. Юрта из красного дерева считалась прочнее, чем из белого, и стояла значительно дороже. Стоимость юрты из красного дерева доходила до 30—50 туманов или была равна стоимости одного хорошего верблюда.

Среди туркмен-иомутов Прибалханья не было своих мастеров по изготовлению юрт¹³, так как в этих районах не было необходимых строительных материалов. Деревянные части юрты были привозными, их покупали готовыми главным образом в Иране (Гургене, Куммети-Каусе, Кюмиш-Тепе и др.), изредка — в Хиве, Нохуре и Мерве. Войлочная часть юрты изготавливалась на месте самими скотоводами. Камыш для циновки также привозили из Ирана, покупали его и в Кара-Кале, редко в Кизыл-Арвате. Камышовую циновку изготавливали на месте, ее плели из расщепленного камыша (гаргы).

Установка юрты начиналась с выбора удобного для нее места. Выравнивалась площадка, которая должна была служить полом будущей кибитки. Юрта у иомутов, как и у других туркмен, ставилась всегда входом на юг, за исключением редких случаев (рис. 2). По установившейся исстари традиции в первую очередь ставили порог (ашаки ишик) — массивную подставку с четырьмя углублениями: два крайних — для косяков (сое), а два внутренних — для дверей (гафса). Затем в соответствующие отверстия в пороге вставлялись косяки, и сверху на них надевалась притолока (ёкаркы ишик). После этого ставили решетки (теарим), состоящие из четырех частей и образующие деревянный остов юрты. Решетки крепко соединялись между собой с помощью узкой тесьмы (теарим данар). Теарим представлял собой решетку из тонких деревянных жердей диаметром до 5 см, наложенных друг на друга крестообразно и соединенных с помощью кожаных ремешков. Расстояние между жердями составляло 18—22 см. Высота решетки от пола была до 1,4 м, а в текинской юрте она достигала 1,5 м¹⁴. Сначала ставили две крайние от дверей решетки и крепко привязывали их к ко-

¹³ Об этом см.: А. Джикиев. Указ. работа, стр. 80—81.

¹⁴ Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан..., стр. 45.

сякам прочной веревкой (соеданар; у салыров — багыш¹⁵), а затем ставились остальные две решётки. Для прочности с наружной стороны решётки опоясывались примерно на высоте 1 м тканой дорожкой шириной более 40 см (дурлук кака; у хорезмских иомутов и салыров — бил йуп)¹⁶. Бедняки для этой цели использовали простую веревку. Выше этой дорожки шла другая в виде узкой тканой ленты (эгин йуп) шириной 8—10 см; это отличает ее от салырской и текинской кибиток, описанных П. Ивановым и Я. Винниковым.

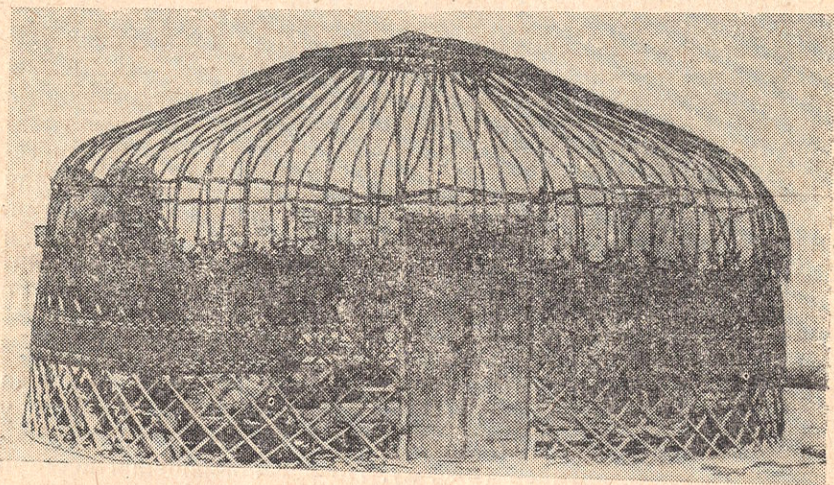

Рис. 2. Деревянный остов юрты. (фото А. Джикиева).

Верхнюю куполообразную часть деревянного остова образовывали тонкие изогнутые жерди (уг) толщиной до 5 см и длиной до 3 м и массивный деревянный обруч, или ободок (туйнук), диаметром до 1,6 м. Туйнук был скреплён внутри тонкими изогнутыми жердочками, которые назывались «чагарак». Через отверстие туйнука свисала прочная, завязанная с двух концов веревка (туйнук йуп). К ней привязывали при сильных ветрах что-либо тяжелое, обычно полный зерном или песком мешок (чувал), иногда в качестве противовеса служил длинный шест (дирег). При сильных ураганных ветрах делали так называемые «чёвши»: юрта обтягивалась через верх двумя прочными толстыми веревками, концы которых прикреплялись к колам, вбитым в землю. К туйнук йуп привязывались иногда для красоты четыре веревки с

¹⁵ П. П. Иванов. Ой — кибитка. Туркменоведение, 1930, № 8—9, стр. 47.

¹⁶ Там же, стр. 48.

бахромой (умур-думан). Туйнук йуп использовалась также во время сбивания масла.

Установка купола юрты начиналась с туйнука, который поднимался обычно четырьмя женщинами с помощью жердей; одна из женщин находилась внутри, а остальные — снаружи устанавливаемой кибитки. Каждая из женщин вставляла сначала по три жерди в пазы туйнука, привязывала их крепко к решетке, а затем по одной вставлялись все остальные жерди. Нижние концы жердей прикреплялись к решеткам с помощью узкой тесьмы (уг баг), за исключением пяти жердей над дверью, которые вставлялись в специальные отверстия в притолоке. Немного выше от нижних концов жерди опоясывались узкой лентой (дузи) шириной 4 см, причем каждая из них обертывалась лентой по одному разу. В юртах более состоятельных людей ниже этой ленты пропускали иногда тканую узорчатую дорожку (ак йуп) шириной до 50 см, которая служила для украшения. Обычно ак йуп прикрепляли только на время семейных торжеств и праздников. Бедные скотоводы не имели такой возможности.

Когда деревянная часть юрты была готова, её прикрывали войлоком. Нижняя часть юрты до перегиба жердей покрывалась четырьмя кусками войлока (дурлук), размер которых совпадал с размером решеток. Высота дурлука составляла от 1,8 до 2 м (или 9 гарыш¹⁷). Щель между дурлуками закрывалась маленькой вставкой из войлока (гонши дурлук). У салыров и текинцев такая вставка (етим дурлук) обычно приходилась против двери кибитки¹⁸. Дурлуки на четырех концах с помощью веревок (дурлук багджык) прикреплялись к решеткам. Снаружи дурлук опоясывался толстой веревкой. В летнее время иомуты приподнимали дурлук, чтобы в юрту поступал свежий воздух. Это наблюдал С. А. Гунаропуло еще в 70-х годах XIX в. у челекенских туркмен¹⁹.

Купол юрты, за исключением туйнука, покрывали двумя одинаковыми по размеру кусками войлока (узук), причём один из них закрывал южную его половину, а другой — северную. Верхняя часть узук доходила до туйнука, а нижняя закрывала верх дурлука. К каждому углу узук пришивалось по одной веревке (узук баг), всего их было восемь. Для прочности нижние веревки пришивались к узуку особым способом «газ аяк» (дословно — гусиная лапа). При этом ниж-

¹⁷ «Гарыш» — мера, равная расстоянию между большим пальцем и мизинцем (приблизительно около 20 см).

¹⁸ П. П. Иванов. Ой — кибитка. Туркменоведение, 1930, № 8—9, стр. 48.

¹⁹ С. А. Гунаропуло. В Туркменской степи. Исторический вестник, 1900, № 11, стр. 571.

ние веревки обеих узукв прикреплялись перекрестно к решеткам внутри кибитки, а верхние — снаружи. Помимо того, в нижней части узука свисали книзу несколько веревок (ел баг), которые также привязывались к решеткам юрты или к колышкам; иногда на них накладывались камни²⁰, чтобы ветер не снёс войлочные покрытия. При сильных ураганных ветрах иногда узук вообще снимали, чтобы ветер не снёс юрту. Края дурлука и узука обшивались шерстяной тесьмой для предохранения их от быстрого изнашивания. В юрте бедняков дурлук и узук были старые, с заплатами. Войлочные покрытия юрты менялись обычно через 10—15 лет.

Туйнук покрывали отдельным, специально предназначенным для этого куском войлока (серпик), который с помощью восьми веревок (серпик баг) прикреплялся к самой нижней части решетки. Одна веревка, обращенная к двери, висела свободно. Она прикреплялась с левой стороны от входа к жердочке (шатеарим), выступающей на 5—6 см над решеткой. С её помощью регулировали величину отверстия туйнука. Туйнук служил дымоходом и световым люком. Отверстие туйнука открывали и закрывали также с помощью специального длинного шеста (дирег; у текинцев — сырык или серпик агач). В иомутской юрте было два шатеарима, по одной с обеих сторон двери. Они стояли ближе к верхней части двери и при входе и выходе были хорошо заметны. Это было присуще только жилищам туркмен Западной Туркмении и Ирана.

Дверь (гафса) юрты была двухстворчатая и открывалась всегда во внутрь. Створки двери вставлялись в специальные отверстия в пороге и притолоке. Двери обычно украшались особенно у богатых людей резным орнаментом восточного стиля. Двери юрты бедняков бывали часто без рисунков. Ручек или замков у дверей юрт описываемой группы туркмен не встречались. По словам информаторов, в прошлом большинство юрт было без дверей; дверное отверстие обычно закрывалось специальными коврами или паласами. В летнее время дверь, как правило, снимали и на нижнюю часть дверного проема вешали кусок паласа или кошмы, который держался на полке (гермеч) на небольшой высоте, чтобы можно было свободно перешагнуть. Это делалось для того, чтобы в юрту не проникала пыль, а также не входили домашние животные (куры, собаки и др.).

Во время свадеб, праздников и семейных торжеств туркмены-иомуты навешивали на двери юрты для украшения красивую ковровую занавеску (энси). Зажиточные скотово-

²⁰ Туркмены иомудского племени. Военный сборник, 1872, т. 83, № 1, стр. 76.

ды украшали кибитки и в будни. Когда она мешала при входе и выходе, то ее забрасывали на шатеарим. Зимой энси хранили в специальном тканом мешке (артамак) вместе с другими ковровыми изделиями и украшениями, чтобы они не загрязнялись от дыма.

Дверное отверстие обычно закрывалось зимой безворсовыми коврами — палас, килим или же специальной занавесью (тарпяпар), сплетенной из камыша с пришитым к ней для тепла войлоком (рис. 3). В подтверждение этого можно привести данные второй половины XIX в., согласно которым дверное отверстие юрт у иомутов завешивалось особым войлоком²¹.

Рис. 3. Юрта с занавесью „тарпяпар“.

Нижняя часть юрты поверх войлочного покрытия покрывалась камышовой циновкой (гамыш), которая состояла из двух больших кусков. В юрте иногда была и третья, маленькая вставная циновка (называемая «гозенок гамыш»), ставившаяся против двери (рис. 4). Высота циновки доходила до 1,82 м. Два крайние от двери конца камышовой циновки

²¹ Туркмены иомудского племени. Военный сборник, т. 83, № 1, стр. 75—76.

прикреплялись к решеткам с помощью веревки «гамыш баг» (их было по три с каждой стороны), а другие концы их соединялись между собой. В летнее время вставной дурлук и циновку против двери приоткрывали, чтобы в юрту поступал свежий ветер. Зимой юрта с наружной стороны обычно засыпалась землей, снизу клали траву (селин, патлак и т. п.), чтобы в юрту не попадала вода, стекающая во время дождя по кошмам, и не продувал холодный ветер. Снаружи, примерно на высоте одного метра от решетки, поверх камышовых циновок кибитка обтягивалась красивой тканой узорчатой дорожкой (голанг) шириной до 30 см. Эта дорожка употреблялась для укрепления камышовых циновок и украшала жилище. Бедняки же вместо такой дорожки применяли иногда толстую веревку. Салыры, текинцы и другие употребляли для этой цели обычно толстую прочную веревку (бил йуп; у сарыков — урган).

Рис. 4. Юрта со вставной камышовой циновкой „гозенок гамыш“.

Посередине юрты под туйнуком устраивали очаг (оджак), на котором приготавливали пищу. Постоянно поддерживаемый в очаге огонь служил для освещения кибитки. В редких слу-

чаях освещение юрты осуществлялось керосиновой коптилкой. Место для очага выравнивалось и обмазывалось глиной, в зависимости от продолжительности пребывания в данном месте. В кочевых поселениях и на кратковременных стоянках во время сезонных перекочёвок очаг специально не сооружался. У иомутов очаг кругом не огораживался, как это делалось у прибрежных туркмен²² и текинцев²³.

Разборка юрты, по сравнению со сборкой, производилась в обратном порядке, с одним исключением, что при разборке в первую очередь снимали камышовую циновку, хотя она и ставилась в предпоследнюю очередь. Затем снимали дверь и войлочные покрытия. При разборке юрты туйнук опускали обычно в ту сторону, куда собирались перекочёвывать.

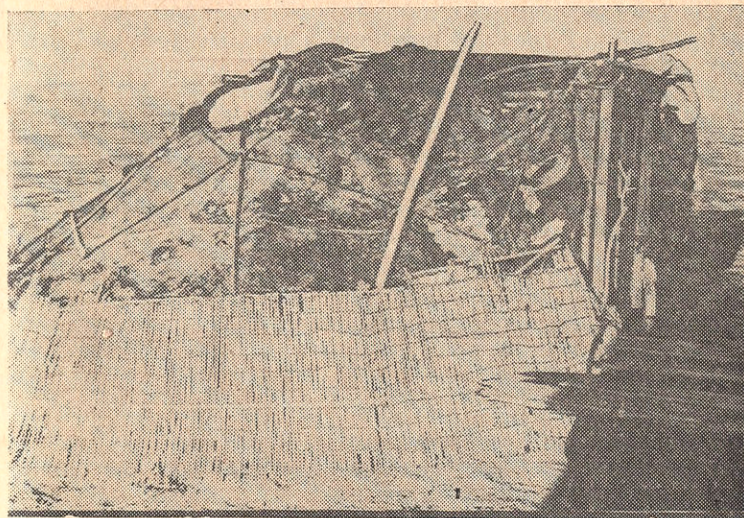

Рис. 5. Полукибитка „орача“.

Установка и разборка юрты считались делом женщины, но при снятии туйнука им помогали и мужчины. Навьючивание юрты на верблюдов и перевозка её с одного кочевья на другое входили в обязанности мужчин. Но путешественник А. Вамбери писал, что женщины во время кочёвок сами убирают юрты и навьючивают их на верблюдов²⁴. Для перевозки одной юрты требовалось не менее двух верблюдов: на одного навьючивали деревянные части, на другого — войло-

²² А. Джикиев. Поселения и жилища туркмен..., стр. 82.

²³ Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства..., стр. 47.

²⁴ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии, Спб., 1867, стр. 262.

ки и камышовую циновку. Способ навьючивания деревянных частей юрты был такой: сначала с обеих сторон верблюда устанавливали по две решетки, сверху на них клали жерди и затем ставили туйнук.

У кочевников-скотоводов была сильно развита взаимопомощь. Во время сезонных перекочёвок члены кочевого аула помогали друг другу при перевозке вещей, разборке и сборке юрты и т. д. При разбивке юрты хозяйке помогали её родственницы и соседки. Установка юрты производилась обычно несколькими женщинами совместно, для чего требовалось не больше 20—30 минут. Разборка юрты производилась еще быстрее.

Другим видом кочевого жилища прибалханских туркмен была орача, представлявшая собой верхнюю часть обычной юрты, без решетчатого остова (рис. 5). Орача состояла из жердей, туйнука, двери и войлочных покрытий. Она бытовала среди беднейшей части населения и служила основным жильём для бедняков круглый год. Орача служила также на непродолжительных стоянках в качестве временного жилища для скотоводов во время сезонных перекочёвок. Скотоводы, если прибывали в пункт назначения поздно вечером, до утра разбивали обычно орача или шалаш. Бедняки же жили в орача еще и потому, что не все они имели возможность покрывать свою юрту полностью войлоком.

Во время стихийных бедствий часто повреждались отдельные деревянные части юрты, чаще всего верхний круг—обод—и жерди, и нередко юрта выходила из строя. Естественно, что через определенное время отдельные части юрты ветшали. В таких случаях более состоятельные люди меняли старую юрту на новую, а прежнюю юрту обычно отдавали беднякам-пастухам в счёт платы за пастбу скота или бедным родственникам в виде помощи. Бедняки же не имели средств приобрести новую юрту, поэтому им приходилось жить в орача.

Порядок установки орачи был такой же, как и обычной юрты, лишь с той разницей, что ввиду отсутствия в орача решетки сразу же после установки дверной части поднимали туйнук и вставляли в его пазы жерди; причём нижние концы их втыкались в землю. Покрывали орача износившимися войлоками (дурлук, узук) и чем попало. Камышовая циновка в орача не применялась за редким исключением.

Кроме описанных видов кочевых жилищ, скотоводам Прибалханья был также известен шалаш «чатма» (дословно — перекрещение двух решеток). Шалаш делали из двух, а иногда и более решеток и покрывали их войлоком, обычно дурлуком или килимом. В шалаше жили самые бедные люди.

Юрты более состоятельных туркмен отличались от кибитки бедняков не только новыми войлочными покрытиями и камышовыми циновками²⁵, но и богатством внутреннего убранства. По данным конца XIX в., основу убранства юрты составляли скотоводов составляли ковры и ковровые изделия, а также шёлковые покрывала²⁶. В убранство юрты прибалханских туркмен в начале XX в. входили различные настенные ковровые паласные чучалы (гырчын, гызыл чучал и др.) и сумки (торба) различного назначения, ковры, паласы и орнаментированные кошмы для подстилки на пол, постельные принадлежности и домашняя утварь. Однако в юртах бедняков ковров и ковровых изделий не было. Паласы и кошмы у них были старые и нередко рваные.

Пол юрты был земляной, туркмены никогда его не обмазывали глиной. За исключением небольшого участка между очагом и дверью (у внутреннего входа), пол юрты, в зависимости от состоятельности её хозяина, застилался коврами, паласами, килимами и кошмами. На них прямо на полу сидели, пили чай, принимали пищу и отдыхали. Более зажиточные люди во время приёма гостей, семейных торжеств центральную часть юрты застилали коврами или красиво орнаментированными кошмами. По старой традиции, зимой вокруг очага стелили специальную п-образную кошму (оджак баши) с выемкой для очага. Поверх её стелили еще три маленькие кошмы с трёх сторон очага. Летом вместо оджака баши застилали палас или кошму.

Юрта у прибалханских туркмен, как и многих других народов Средней Азии и Казахстана, делилась на две половины: женскую (гап бёур, у прибрежных туркмен — аш бёври)²⁷ — место, где хранилась домашняя утварь, и мужскую (ашлык бёур) — место, где хранились припасы продовольствия. Центральная часть юрты за очагом (дуюп) считалась самым почетным местом. Обычно здесь сидел глава семьи и другие мужчины.

По старинному обычаю, женская половина юрты иомутов, как и у большинства других туркмен, находилась справа от входа. Но в Прибалханье этот обычай строго не соблюдался. Бывали случаи, когда женская половина юрты находилась слева от входа. По данным Г. П. Васильевой, у хорезмских иомутов перемена местами мужской и женской половин юрты в прошлом совершалась лишь в тех случаях, когда в семье часто умирали мужчины или когда хозяйка дома была

²⁵ А. В ам б е р и. Путешествие по Средней Азии, стр. 263.

²⁶ Туркмены иомудского племени. Военный сборник, 1872, т. 83, № 1, стр. 76.

²⁷ А. Д ж и к и е в. Поселения и жилища туркмен..., стр. 81.

бездетна или страдала какой-нибудь болезнью (она, чтобы обмануть злые силы и отвлечь их от дома, меняла свою половину на мужскую). Её ближайшие потомки по женской линии обычно продолжали эту традицию²⁸.

На женской половине, ближе к выходу, на полу находилась домашняя утварь: посуда для воды, чугуны и медные котлы (газан) для приготовления пищи, тренога (таган), чугунный кундук (кундук) для кипячения чая, кувшин для хранения кислого молока и т. п. Здесь около решетки стоял упомянутый выше теляр (у прибрежных туркмен — аяклы текчек, или дукан)²⁹, на нижней полке которого находилась кухонная утварь (чайники, пиалы, деревянные миски, ложки и др.). По словам информаторов, теляр изготовляли местные мастера по дереву (в Данате, Узун-Су и др.). Теляр получил широкое распространение в начале XX в. и в настоящее время встречается почти в каждом иомутском доме.

На теляр ставили большие чувалы (артмак), в которых хранили особо ценные вещи: выходные халаты, одежду, иногда обувь, приданое невесты, зимнюю одежду, шубы и т. д. Когда же класть в чувал было нечего, его наполняли чем попало, чтобы создать впечатление, будто в доме много вещей. Количество мешков зависело от состояния хозяина юрты: у более зажиточных их число доходило до шести. Существовало несколько вариантов расположения мешков: если было два или три чувала, то их ставили в один ряд, если больше трёх — в два ряда один на другой. Иногда в юртах рядом с чувалом, с левой стороны жилища, на теляр ставили деревянный сундук, обитый цветной жестью, покупавшейся в Хиве. В сундуках хранили наиболее ценные вещи, чаще всего драгоценные серебряные и позолоченные женские украшения (шай-сеп). В этой же части юрты устраивали люльку (салланчак).

Сверху на чувал клали сложенные постельные принадлежности. Одеяла и подушки обычно набивали верблюжьей и овечьей шерстью. Перьевые подушки были только лишь у богатых семей. Подушки у иомутов Прибалханья имели цилиндрическую форму³⁰. В прошлом у туркмен не было обычая покрывать каждого ребенка отдельным одеялом. Дети спали по два-три под одним одеялом. В семье бедняков вместо одеял использовались шубы и овчины. Пастухи укры-

вались обычно шубой или войлоком (япынджа). По сведениям стариков-старожиллов, раньше у кочевников-скотоводов было мало постельных принадлежностей, и люди укрывались шубами, халатами, войлоками и т. д.

На мужской половине юрты по традиции на деревянной подставке находились тканые мешки (аргыш чувал) с зерном в один ряд; там же держали предметы хозяйственного обихода: седла для верблюдов (хаут) и лошадей (эер), конскую сбрую и различные принадлежности седла (халык, потник, попоны и т. д.). Здесь же стояли кожаные мешки (мешик) для содержания воды, ручная мельница (дегирмен), ступка (соки), различные веревки (дие йуп и т. д.) и личные вещи мужчин (халаты, шубы и обувь). Некоторые из этих вещей навешивались на решетки юрты.

Против двери на решетку вешались два больших чувала (гызыл чувал), один на женской, другой на мужской половине юрты. В этих чувалах держали повседневную одежду, белье, причём в одном из них держали чистое белье, а в другом грязное. По сообщению И. Ф. Бларамберга, в чувале хранили также домашнюю утварь и другие вещи³¹. Чувалы служили также украшением юрты, они придавали ей красивый, уютный вид. Рядом с чувалом (на женской половине) на полу ставилась в вертикальном положении маленькая продолговатая сумка (игселик), где держали прялку (иг). Рядом с теляром на решетку вешали гребень (йун дарак) для прочёсывания шерсти.

Немного выше чувалов на решетке вешали для украшения юрты красивую сумку (дуоуп торба) с бахромой и кистями. В эту сумку складывали всякую мелочь: ножницы (гыркылык) для стрижки овец, нож (гезлик), обычные ножницы (гайчы), а также детские игрушки, игральные кости (ашык). Дуоуп торба служила также дорожной сумкой для подарков. Во время свадеб в эту сумку, называющуюся «коймет-торба», клали скатерть (сачак) для свадебных угощений, тонкие лепешки (экмек), слоеные лепешки (гатлак), вареную баранину и т. п. Коймет торба брали с собой мужчины в торжественных случаях. Положив в нее сачак с подарками, они отправлялись в гости к своим родным и близким. Иногда вместо коймет-торба использовали ковровые переметные сумки или парные мешки (хорджун), по краям которых были сделаны петли из веревок для застегивания. Хорджун использовался многими среднеазиатскими народами для транс-

²⁸ Г. П. Васильева. Итоги работы Туркменского отряда..., стр. 458.

²⁹ А. Джикиев. Указ. работа, стр. 82.

³⁰ Туркмены иомудского племени. Военный сборник, 1872, т. 83, стр. 76.

³¹ И. Ф. Бларамберг. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря и Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана. Записки Русского географического общества, кн. 4, Спб., 1850, стр. 111.

портировки грузов на лошадях и ослах. Хорджуи хранился обычно на мужской половине юрты. На жерди вешали еще две маленькие сумки (янторба), которые украшали юрту. В них хранили готовую пряжу и шерсть, приготовленную для пряжи, и другие мелкие вещи, а во время перекочевков везли кухонную утварь, привешивая их к верблюжьему седлу.

Все описанные выше ковровые вещи сохранялись долгое время и передавались по наследству. В юрте более состоятельных семей чувалы и сумки были ковровыми. Бедняки не имели дорогостоящих вещей, у них чувалы и сумки в основном были паласными.

Помимо перечисленных предметов внутреннего убранства юрты, во время семейных торжеств по случаю рождения сына, свадеб и религиозных праздников (курбан айт) вместо сумок-янторба вешались два ковровых украшения с кистями (диехалык), а вместо дюп торба против двери — длинное красивое шелковое покрывало из разноцветных кусков материи с кистями (диешашлык — покрывало для головы верблюда). Этими покрывалами обычно украшали свадебный поезд.

С установкой юрты у иомутов Прибалханья были связаны некоторые обычаи и обряды. Во время сезонных перекочевков, в частности с летних поселений на зимние и обратно, после установки юрты на новом месте устраивали угощение (садака) в честь благополучного возвращения, для чего резали нередко барана или пекли сдобные лепешки.

Большим событием в жизни кочевников-скотоводов являлась установка новой юрты (ак ой)³². Это событие всегда сопровождалось праздничным угощением (той), различного рода национальными играми: скачками, борьбой «гореш» и пением бахши. Победителям скачек и борьбы, которыми, впрочем, сопровождалась все праздники, вручали ценные подарки (халаты, платки, деньги, а также баранов или же верблюдов). При установлении новой юрты устраивались и другие развлечения: в верхнем кругу юрты к туйнуку высоко подвешивали платок с завязанными в нём деньгами или каким-либо подарком (байрак). Молодые люди должны были, подпрыгивая, достать платок руками (яглыга товусмак).

Новая юрта покупалась и устанавливалась в большинстве случаев для молодоженов и предназначалась женатому сыну при выделении его из отцовской семьи. Обычно ското-

³² Новая юрта называлась «ак-ой», так как войлочные покрытия ее, в отличие от старой почерневшей от дыма и пыли юрты (гараджа-ой), были белыми. Они изготовлялись из белой высококачественной овечьей шерсти.

воды-бедняки из-за отсутствия средств на приобретение новой юрты не могли выделить женатому сыну отдельную юрту. Поэтому подавляющее большинство бедняков жило вместе с женатыми сыновьями в одной юрте. В этих случаях юрта делилась на две половины. Молодожены обычно спали в меньшей половине юрты, а в другой, большей половине, близ очага спали головой на юг остальные члены семьи. По словам А. Вамбери, у иомутов новая кибитка устанавливалась состоятельными людьми и для уважаемых гостей³³. Некоторые из зажиточных и богатых скотоводов Прибалханья в прошлом имели специальную юрту, предназначенную для гостей (мыхман-ой).

Таким образом, прибалханские туркмены до недавнего прошлого не знали поселений и жилищ оседлого типа; у них отсутствовали также усадьбы и хозяйственные постройки, за исключением лишь временных помещений и загонов для зимнего содержания скота.

Кочевые жилища-юрты являлись основным жилищем скотоводов Прибалханья вплоть до 30-х годов XX в. Юрта, представлявшая собой лёгкое, переносное жилище несложной конструкции, была сравнительно удобным и практичным жилищем в условиях кочевого скотоводства с характерными для него сезонными перекочевками. В настоящее время юрта уже перестала быть основным жилищем колхозников-животноводов Западного Туркменистана. Сейчас она служит подсобным хозяйственным помещением — кухней для приготовления пищи и кладовой для хранения запасов продовольствия и других предметов домашнего и хозяйственного обихода. Летом в юрте также ткуют ковры, прочесывают шерсть, валяют кошмы и т. д.

За годы Советской власти коренным образом изменилась материальная культура и быт колхозников-животноводов Западного Туркменистана. Ныне колхозники живут в домах нового типа, которые появились лишь в годы Советской власти. С победой коллективизации на месте бывших разрозненных поселений скотоводов возникли новые благоустроенные колхозные социалистические поселки.

К. НИЯЗКЛЫЧЕВ

О СКОТОВОДЧЕСКОМ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ
ХОЗЯЙСТВЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ТУРКМЕНИСТАНА
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.¹

В конце прошлого—начале нынешнего столетия Юго-Западный Туркменистан в основном был населен туркменами-иомутами. Одно из крупных подразделений иомутов составляли джафарбайцы. Они занимали обширную территорию по нижнему течению рек Гюрген и Атрек и по побережью Каспийского моря до Балханских гор. К востоку от джафарбайцев обитали атабайцы—также крупное подразделение иомутов. Граница между кочевьями джафарбайцев и атабайцев проходила по линии колодцев: Караджа-Батыр, Чукуртуйы, Алтыгуйы, Балгуйы, Шахман и Бугдайлы².

Одним из крупных поселений иомутов-джафарбайцев было селение Бугдайлы, расположенное в 150 км южнее современного Небит-Дага. Здесь располагались их летние пастбища и посеиы. Жители Бугдайлы принадлежали в основном к следующим родам джафарбайцев: чумоч, чукган, гызыл, татар, гара-инджик, келете и кор. Джафарбайцы жили также вокруг колодцев Бугдайлы, Шахман, Балгуйы, Егат, Илерки (Юж-

ный) Егат, Кара-Нефес, Алтыгуйы, Чукуртуйы, Гэмеджик, Гоша-Гуйлы и других, на системе которых было основано их скотоводство. Другая часть иомутов-джафарбайцев располагалась в долине Атрека и Гургена и занималась земледелием. Однако основная часть джафарбайцев вела кочевой образ жизни и была скотоводческой.

Оседлые джафарбайцы (чомур), жившие в соседстве с Ираном и в его пределах по берегам Атрека и Гургена, подвергались жестоким притеснениям, поборам и вымогательствам со стороны шахских властей.

Царская администрация с каждой кибитки джафарбайцев, живших в бывшем Красноводском уезде, взимала подать и земский сбор в размере 6 рублей, облагало их также налогами (хушр, зекат) в пользу духовенства. Значительная часть джафарбайцев-скотоводов кочевала в пределах бывшего Красноводского уезда и в степной полосе иранской провинции Горган. Эта часть джафарбайцев, периодически перекочёвывавшая из пределов Ирана в Закаспийскую область, платила налоги и иранским и царским властям. Рядовая масса иомутов-джафарбайцев жестоко эксплуатировалась и со стороны своих феодалов — ханов и баев.

В тесных отношениях с кочевыми иомутами-джафарбайцами находилась группа туркмен-огурджали, населявшая побережье Каспийского моря и прибрежные острова к югу от Красноводска. Среди джафарбайцев жили также довольно значительные группы так называемых овлядских племён, причислявших себя к потомкам пророка Мухаммеда (шихи, ходжа).

Основными отраслями хозяйства джафарбайцев в конце XIX — начале XX в. были скотоводство, земледелие, охота, рыболовство, а также кустарные ремесла. Иомуты-джафарбайцы по роду своих занятий в основном делились на чарва-скотоводов и на чомуров-земледельцев и рыболовов. Но скотоводство в хозяйстве джафарбайцев играло гораздо большую роль, чем земледелие. Чарва-иомуты численно преобладали над оседлыми иомутами. Джафарбайцы в основном разводили овец, коз, верблюдов, лошадей и крупный рогатый скот. Крупный рогатый скот держали в небольшом количестве главным образом оседлые земледельцы. Скотоводство обеспечивало иомутов-джафарбайцев продуктами питания (молоко и мясо). Шерсть шла для изготовления одежды, войлоков, ковров и т. д. Скот обменивали на хлеб, рыбные продукты, фрукты, а также продавали для покупки хлеба и всего необходимого для жизни кочевника. Точных данных о количестве скота у джафарбайцев, живших на юго-западе, в рассматриваемый период нет.

¹ Предлагаемая статья написана на основе письменных данных и полевых этнографических материалов, собранных автором среди туркмен Гасан-Кулийского и Кизыл-Атрекского районов, которые в прошлом причислялись к племени иомутов. В статье делается попытка осветить отдельные вопросы, связанные со скотоводством и земледелием у иомутов-джафарбайцев в конце прошлого — начале нынешнего столетия.

² Полевая запись от Е. Оразклычева из села Ак-Яйла, Кизыл-Атрекского района ТССР.

В 1914 г. в бывшем Красноводском уезде, включавшем и населенную джафарбайцами территорию, насчитывалось 385 249 голов овец, 66 651 коза, 69 511 верблюдов, 17 209 голов лошадей, 6358 крупного рогатого скота и 2360 ослов³. По данным учётно-налоговой кампании Наркомфина за 1926/27 г., в Курдоленском аулсовете количество скота составляло до 44 тысяч голов, а во всех аулсоветах Атрека взрослого скота насчитывалось около 7 тысяч голов⁴.

В скотоводческом хозяйстве иомутов-джафарбайцев преобладали овцы и козы. Разводили так называемую степную овцу — «далак» и горную «эрек». Джафарбайцы разводили также одноробых верблюдов породы «арвана». Интенсивному развитию скотоводства способствовало наличие обширных пастбищ. Весной и летом, а иногда и большую часть осени скотоводы пасли свои стада неподалёку от колодцев, а также вблизи естественных водоёмов (как и ховуз), где скапливалась дождевая вода, обеспечивавшая водопой скота⁵. Скотоводство здесь было отгонным. Осенью и зимою скот пригоняли на пастбище по Атреку и Гургену, а иногда доходили на юге до р. Кара-Су⁶. На зимовках (на юге) джафарбайцы оставались до начала апреля или, как говорили в народе, до перелёта птиц на север. На летовках оставались до октября, до прилёта птиц на юг⁷.

По словам старожил, кочевки происходили следующим образом: скотоводы кочевали родственными группами, состоявшими приблизительно из 5—10 хозяйств, которые пользовались сообща колодцами и пастбищами. Для перекочёвки выбирались 4, 7, 10, 14, 17, 20, 24, 27, 30 дни месяца⁸, которые, по поверью, считались счастливыми, удачными днями (сэхетли гун).

Семья скотоводов кочевала, следуя за стадом, или вместе с ним. Если стадо отправлялось в полдень, то на следующий день к полудню оно доходило до следующего колодца. Стадо там оставалось до тех пор, пока не догонит его караван с семьёй кочевников, которая шла следом за ним. После привала поили скот, затем стадо следовало к другому колодцу, а караван отправлялся на следующий день утром и к полудню

³ Приложение к Обзору Закаспийской области за 1912, 1913, 1914 гг., Асхабад, 1916. Приложение № 9.

⁴ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 28, л. 223 — 224.

⁵ Полевая запись от Аtdжыка Байрамклычева из села Чалюк, Гасан-Кулийского района.

⁶ Полевая запись от Мерета Аманова из села Гара-Дегиш, Кызыл-Атрекского района.

⁷ Полевая запись от Хаджитагана Мурадова из села Бугдайлы, Гасан-Кулийского района.

⁸ Там же.

опять догонял стадо. Переход таким образом из Бугдайлы на Атрек отнимал у кочевников около 10 дней⁹.

Переехав на зимовку, кочевники поселялись в юртах (гара ой). С наступлением лета они здесь не могли оставаться, так как в низовьях Атрека было множество комаров, слепней и других насекомых, сильно изнуряющих своими укусами скот и вызывающих болезни. Это вынуждало кочевников откочевывать к северу, бросая прекрасные пастбища.

В начале XX в. выпас рогатого скота у иомутов-джафарбайцев происходил следующим образом. Несколько хозяйств объединялись и образовывали большие стада до 500—600 голов в каждом и нанимали на шесть месяцев (на лето и осень) одного пастуха, труд которого обычно оплачивался натурой. Плата пастухам производилась обычно в следующем размере: с каждых 15 овец — 1 ягнёнок, 2 чашки муки и шерсть с одной овцы. В зимние месяцы труд пастуха оплачивался несколько иначе, то есть в месяц с 20 баранов — 3 крана, весной же пастух пользовался в качестве платы молоком и шерстью с каждой из 10 овец¹⁰. Иногда пастух получал от хозяина войлочную накидку (япынджа), простую одежду и обувь¹¹. Хозяева стад, богатые скотоводы, как правило, обсчитывали пастухов при оплате. Нередко они отдавали им лишь незначительную часть условленной платы, используя для этого самые различные предлоги. Были случаи убийства баями пастухов, требовавших полной оплаты за труд.

Обычно в пастухи нанимали холостого молодого человека из бедной семьи, не имевшего средств для уплаты калыма за невесту. Встречались пастухи среднего возраста и пожилые. Пастух подыскивал себе помощника, выделяя ему часть своего заработка. Помощник пастуха (чолук) обычно был одним из его родственников. Помощник пастуха был занят хозяйственными делами — готовил пищу и т. п. Труд пастуха был очень тяжёлым и опасным. В зимнее время, несмотря на холод, пастух должен был безотлучно находиться при стаде. Пастухи жили в шалашах, а зачастую по несколько дней оставались под открытым небом. Питались лепешками, испеченными прямо в золе костра (ер чорек), и жареным мясом (ковурма). Скот пасли с помощью подготовленных специально для этого собак. Пастухи очень ценили сторожевых собак и ухаживали за ними. Пастухам редко приходилось бывать в населенных пунктах и общаться с людьми.

Время окота начиналось с конца февраля или в начале марта. На помощь пастухам в это время приходили хозяева

⁹ Полевая запись от Аtdжык Байрамклычева из села Чалюк, Гасан-Кулийского района.

¹⁰ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 239, л. 60.

¹¹ См. Турменоведение, 1928, № 2, стр. 48.

стад. Новорожденных ягнят в течение 15 дней держали в тёплых ямах (корпеч), покрытых сверху войлоками и травой селин. Затем молодняк еще в течение 15 дней содержался в юртах, и лишь после этого пускали в загон (чефери). Обычно в июле его объединяли со стадом.

С начала марта на язлыке (летовке) с помощью почти всего населения аула начиналась заготовка молочных продуктов на зиму, а также для продажи в соседние земледельческие районы. Женщины с утра до вечера доили скот, заготавливали кислое молоко (сузме), сбивали масло, приготавливали сыр из снятого кислого молока (айран). Сыр формовали в виде небольших шариков (гурт), засушивали и в таком виде хранили до зимы. Масло сбивали в кожаных мешках (янлык) с помощью маслобойки (пишек). Янлык устанавливали на специальном приспособлении, скрещенном из трех жердей. Из верблюжьего молока делали напиток дучал. Женщинам помогали подростки и дети. Мужчины были заняты уходом за молодняком, заготовлением корма для скота.

Оседлые джафарбайцы летом держали нескольких баранов, которые назывались «баг-гоюн», на привязи около дома. Они предназначались специально для убоя. Для баг-гоюн выбирали больших, здоровых баранов, кормили их ячменем, дынной кожурой, отрубями (кепек) и т. п.

Стрижку овец производили два раза в год — весной и осенью. Коз и верблюдов стригли только весной. Весенняя стрижка овец производилась в мае, а осенняя — в сентябре или в начале октября. Для стрижки употребляли специальные ножницы (гыркылык). Стрижкой овец занимались профессиональные стригальщики. Шерсть овцы осенней стрижки использовали для выделки веревок, а весенней — для выделывания кошм, ковров, паласов. Из верблюжьей шерсти изготавливали домашнее сукно для одежды, которая отличалась большой прочностью. Лошадей подстригали только для красоты.

Во время стрижки кочевники-джафарбайцы помогали друг другу. Эта взаимная помощь называлась «аркалашык». Практиковался так называемый «ёвар» — коллективная помощь односельчанам и сородичам. Зажиточные скотоводы, организовывая ёвар, собирали своих сородичей для стрижки овец. Ёвар, будучи пережитком родового строя, в XIX — начале XX в. использовался богатыми как средство эксплуатации своих бедных сородичей.

Джафарбайцы различали у овец ряд болезней (черрик, далак, а у коз — готур), но с большинством из них бороться не умели. Так, например, готур лечили смолой, смазывая ею

скот. В жаркое время смазанная мазутом коза нередко погибала от жары, так как мазут обжигал её тело. При стрижке овец неопытный или неосторожный стригальщик наносил иногда животным раны, в которых часто заводились черви. Для лечения такой раны у животного сначала вытаскивали червей специальными щипчиками — пинцетами (жувтек), затем смазывали рану мазутом или особым составом, называемым «гара-яг», приготавливавшимся самими скотоводами.

Для улучшения породы овец в качестве производителей использовали только отборных баранов, а остальных кастрировали. Зачастую хороших производителей специально скупали в соседних аулах.

Джафарбайцы имели две породы лошадей — скаковых и рабочих. Рабочие лошади (улаг) у чомуров-земледельцев служили для полевых работ, их запрягали в плуги (азал, или кунде), а скаковых лошадей использовали для верховой езды.

Коневодство занимало значительное место в хозяйстве джафарбайцев. «Выращивание чистопородных, необычайно выносливых и красивых коней, которыми справедливо гордились иомуты, — было одним из любимейших занятий туркмен. На это не жалели ни времени, ни сил. Известные прославленные кони имели свои родословные в степи и пользовались широкой популярностью. Коневодство составляло, несомненно, одну из крупных статей дохода у туркмен приморских районов»¹².

Верблюдов использовали главным образом для перевозки грузов, а также при полевых работах. Для выпаса верблюдов несколько хозяйств объединялось и образовывалось стадо до 100 голов. При каждом стаде находился пастух (две чопан). Такое стадо принадлежало нескольким хозяевам и называлось «копунг суруси». За шесть месяцев пастьбы пастух получал одного верблюжонка (огшук)¹³.

Верблюд по своей выносливости, силе, неприхотливости к корму и воде является незаменимым для кочевника животным. Из верблюжьего молока джафарбайцы делали напиток дучал, шерсть верблюда шла на выделку тёплой одежды. Кроме того, вся торговля с Персией, Бухарой и Хивой поддерживалась перевозкой торговых грузов на верблюдах¹⁴.

Небольшое количество крупного рогатого скота содержали осёдлые земледельцы — чомуры. Коров пасли недалеко от населённых пунктов. Из коровьего молока заготавливали раз-

¹² Ага Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов и А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII — XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 303.

¹³ Полевая запись от Гонурджа Аманова, село Бугдайлы Гасан-Кулийского района.

¹⁴ Обзор Закаспийской области за 1908 г., Асхабад, 1910, стр. 30.

личные молочные продукты: кислое молоко (сузме), масло и др.

Скотоводческое хозяйство иомутов-джафарбайцев было основано на использовании колодцев. Воду доставали из колодцев посредством кожаного мешка (ковча), привязанного к веревке. Воду из очень глубоких колодцев поднимали с помощью верблюдов. Для этого к нему привязывали конец веревки от ковча и заставляли тянуть этот кожаный мешок, наполненный водой. Затем воду из ковча выливали в деревянное корыто (нова), предназначенное для водопоя овец, верблюдов и лошадей. Такие приспособления имелись почти на всех глубоких колодцах.

Колодцы иомутов-джафарбайцев в то время принадлежали вырвавшему их хозяину или целому роду, в большинстве случаев баям и представителям родовой знати. Другие скотоводы не имели права поить скот без разрешения владельца колодца. Однако пастбищные угодия были достоянием всех скотоводов. По обычному праву туркмен ими мог пользоваться каждый скотовод. Но поскольку колодцы составляли собственность отдельных хозяев или родовых групп, право свободного пользования пастбищем всеми желающими имело формальное значение, так как пасти скот в степи, не имея там колодцев, было невысказано.

За разрешение малоимущим хозяйствам пользоваться своими колодцами бай, владевшие многочисленными стадами, заставляли бедных скотоводов ремонтировать колодцы и оказывать им помощь в работе по хозяйству. Снабжая бедняка шерстью для выделки войлока, бай за это получал более половины выработанной продукции.

У джафарбайцев не существовало специальных загонов для скота, который всю зиму находился под открытым небом. Не было у них и обычая заготавливать на зиму корм для скота. Поэтому в суровые, холодные зимы часто случался падеж скота, что приводило к разорению скотоводов особенно несостоятельных хозяйств.

Таким образом, скотоводство было главным занятием джафарбайцев. Скот был основным видом их богатства. Однако распределение скота между скотоводами было неравномерным. Большинство скота было сконцентрировано в руках баев-чарводаров, составлявших незначительный процент скотоводов.

В хозяйстве иомутов-джафарбайцев известную роль играли и земледелие. Земледелием в основном занимались джафарбайцы, жившие по берегам Атрека и Гургена, которые, как и оседлые рыболовы, в отличие от скотоводов назывались чомурами. Ф. Энгельс в своем письме К. Марксу от 6 июня

1853 г. писал о странах Востока: «Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение»¹⁵. Это высказывание Ф. Энгельса относится и к условиям земледелия у оседлых иомутов-джафарбайцев конца XIX—начала XX в.

Жители Атрека и Гургена занимались в основном хлебопашеством, огородничеством, а зимой и весной — рыболовством. Хлебопашеством занималась часть чарвы, имевшая зимние кочевья по Атреку и Гургену. На Гургене земледелие имело богарный характер (думе экин). Это был самый простой, не требовавший особых усилий способ земледелия. При посевах на землях богарным способом пшеницы или ячменя сначала рассыпали семена по земле, а затем производили вспашку. После этого поле оставалось без всякого ухода до вызревания урожая.

Поливное земледелие культивировалось у жителей Атрека, в сёлах Чалюк, Аджияб, где осадков выпадало значительно меньше, чем на Гургене. На Атреке сеяли хлопок, пшеницу, ячмень и огородные культуры, разводили фруктовые деревья. Из Атрека было выведено много магистральных каналов, разветвлявшихся на более мелкие арыки. Каждое родовое подразделение сооружало свой канал, чтобы провести воду на свои поля.

Важнейшей сельскохозяйственной культурой были озимая пшеница и ячмень. Недостаток воды позволял сеять только озимые зерновые культуры. Посевы хлопка страдали от нехватки воды, и поэтому жители поливали хлопковые поля больше зимой. Перед тем как приступить к посевам предназначенное для этого поле тщательно выравнивали и делили его на участки площадью в несколько десятков квадратных метров. Подготовленный таким образом участок поливали, а затем после подсыхания земли приступали к посеву. Все земледельческие работы производились при помощи лопаты (пил). Широко распространенными орудиями обработки земли у джафарбайцев в конце XIX — начале XX в. были деревянная соха с железным наконечником (кунде, или азал) и мотыга (кетмень), которую употребляли для обработки хлопка. Для остальных работ, например при посеве и выращивании бахчевых культур, самым универсальным орудием была лопата. Сев озимой пшеницы производили в октябре¹⁶.

Пахали азалом, запряженными лошадей (у чомуров) или верблюдом (у чарвы). При пахоте азалом земля не переворачивалась пластами, а только разрыхлялась. Для выравнива-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., 1948, стр. 75.

¹⁶ Полевая запись от Хаджитаган Мурадова из Бугдайлы, Гасан-Кулийского района.

ния вспаханной земли применяли своеобразную борону в виде тяжёлой доски (мала). В такую борону впрягали вьючных животных.

Джафарбайцы сеяли вручную, разбрасывая зерно рукой. Когда хлеб всходил, вновь производили поливку, а затем в период роста зерновых успевали поливать поле два-три раза, причём в это ответственное время распределением воды обязательно руководили мирабы, следившие за очередностью и длительностью полива. Время полива определяли самыми различными способами — днём по тени, ночью по звёздам и т. д.¹⁷ Озимая пшеница поспевала обычно в мае и начале июня¹⁸, после чего начиналась уборка. Уборка урожая производилась вручную, для чего использовался серп (орак). Хлеб вязали в снопы, каждый сноп состоял приблизительно из 15 — 20 пучков. Снопы собирали при помощи так называемой «хизы» на участке, очищенном специально для молотбы (харман ери). Хиза, на которую грузили примерно 40 — 60 снопов, несколько напоминала по форме русские волокуши, в неё запрягали животных.

Для молотбы по площадке, на которой были разложены колосья, гоняли двух-трех, в зависимости от наличия в хозяйстве, лошадей и верблюдов, которые ногами выбивали зерно из колосьев. Веяли обычно в ветреный день. Обмолоченное зерно разделяли на две кучи и веяли по ветру, отделяя солому от зерна. Зерно провеивалось с помощью деревянных лопат (курек).

Раздробленную солому (саман) обычно оставляли на поле. Зимой она служила кормом для скота. В дождливые годы урожай пшеницы и ячменя был богатым. В такие годы с одного пая земли получали примерно до 15—20 центнеров зерна¹⁹. На засев одного пая земли уходило 5 пудов, или один мешок (чувал) зерна. Убранное зерно хранили в ямах (аммар чукур) или мешках в одном из помещений, предназначенных для хозяйственных целей.

Нередко обедневшая в результате потери скота часть скотоводов обращалась к хлебопашеству, чтобы поправить свои дела и затем, обзаведясь вновь скотом, снова возвратиться к кочевому образу жизни²⁰. Перейдя на зимовку, скотоводы сеяли зерновые культуры на богарных землях. Ко времени

¹⁷ День делился на «гунорта» (полдень), «ойле» (2 или 3 часа дня), «икинди» (время перед заходом солнца). Ночь делится на «илки агшам» (после заката солнца), «ясы» (время через 2 — 3 часа после заката), «ярим гидже» (полночь) и «дандан» (предутреннее время).

¹⁸ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 239, л. 67.

¹⁹ Полевая запись от Атаджанова Тэч, село Чалюк Гасан-Кулийского района.

²⁰ Обзор Закаспийской области за 1900 г., Асхабад, 1902 г., стр. 28.

созревания урожая они приезжали с летовок и собирали здесь урожай. Одну часть зерна закапывали в ямы до возвращения на зимовку, а другую — брали с собой. Для перевозки зерна на летовки брали у чомуров лодки (нав)²¹.

Чарва-скотоводы не продавали хлеб, так как им самим его едва хватало до следующего урожая, а наоборот, нередко покупали хлеб в Кумыштепе и Гасан-Кули. Цены на хлеб колебались в зависимости от времени года²².

Урожайность зерновых колебалась в зависимости от количества годовых осадков.

Хлопководство у джафарбайцев начало развиваться с конца XIX—начала XX вв. Хлопок сеяли в низовьях Атрека. Посевы производили в конце марта или в начале апреля²³, а сбор урожая — с августа по октябрь²⁴. После двухкратной вспашки землю бороновали (мала), чтобы разбить большие комья земли и сделать участок более удобным для полива.

Хлопок выращивали исключительно для продажи. В Чекишляре в конце XIX в. хлопок продавали по 3 руб. 60 коп. — 4 руб. 30 коп. за пуд²⁵. Семена хлопка приобретали в Кумыштепе и Гасан-Кули. Согласно официальным данным, в 1912—1914 гг. в бывшем Красноводском уезде было собрано следующее количество пудов хлопка²⁶.

Г о д ы	Посеяно пудов	Собрано пудов	Засеяно десятин
1912	2292	15795	357
1913	1120	24000	160
1914	2344	32400	326

Джафарбайцы из бахчевых выращивали арбузы и дыни. Посев производился каирным способом преимущественно на побережье. Для посева дынь и арбузов рыли ямы глубиной 1,5 — 2 м. Ширина таких ям колебалась от 50 до 100 м². На дне этих ям расстилали толстый слой 0,5 м удобрения из навоза²⁷. Через год в таких заранее подготовленных ямах

²¹ Подробно об этом см. Г. П. Васильева, А. Джикиев. Некоторые результаты изучения материальной культуры и быта населения Юго-Западной Туркмении. Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, вып. 34, стр. 5.

²² Обзор Закаспийской области (О. З. О.) за 1891 г., Асхабад, 1893, стр. 130 — 131.

²³ О. З. О. за 1891 г., Асхабад, 1893, стр. 130 — 131.

²⁴ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 239, л. 67.

²⁵ О. З. О. за 1891 г., Асхабад, 1893, стр. 130 — 131.

²⁶ Приложение к Обзору Закаспийской области за 1912, 1913, 1914 гг., Асхабад, 1916. Приложение, № 8.

²⁷ А. Джикиев. Туркмены Юго-Восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961.

сажали арбузы и дыни. Джафарбайцы получали таким способом хорошие урожаи дынь и арбузов.

У атрекских джафарбайцев, а также у атабайцев большое количество земель издавна принадлежало частным владельцам. Эти владельцы и мирабы нередко одновременно являлись и крупными скотоводами. Сами они не обрабатывали эти земли, а отдавали их в аренду. Основную массу земледельцев составляли осёдлые чомуры; они объединялись в небольшие земледельческие группы по 30 — 50 хозяйств, называвшиеся «аламанами»²⁸. Такие группы обычно состояли из родственников. Члены таких аламанов обрабатывали свои родовые наделы, но большею частью — арендованные земли. Во главе аламанов стояли аксакалы, получавшие два и больше паев воды и земли. Иногда аксакалы превращались в своего рода маленьких владетелей, которые собирали вокруг себя своих ближайших родственников и делались полновластными главами аламанов. По утверждению наших информаторов, в конце XIX—начале XX в. родовые аксакалы пользовались большим влиянием у иомутов-джафарбайцев. Они избирались обществом из числа наиболее богатых и влиятельных семей. Сын аксакала после смерти отца зачастую становился его преемником. Таким образом, власть аксакалов иногда переходила по наследству к сыну. Каждое родовое подразделение имело своего аксакала и свои оросительные каналы (яб).

Джафарбайцы в начале XX в. орошали свои поля десятью крупными каналами, выведенными из Атрека: Аджи-яб, Яр-Джан, Кеш-яби, Кара-инджик, Куль-келле, Курбан-яби, Дейстан-бай, Мамед-яби и Анна-Клыч²⁹. Например, канава Аджи-яб, по данным Д. И. Субботича, была вырыта неким Дейстаном и его братьями без посторонней помощи, поэтому составляла их частную собственность. Этим ябом в начале XX в. (1903 г.) владел один из потомков Дейстана — Мешади. Вода этой канавы делилась всего на 23 пая (су). Каждый пай представлял количество воды, достаточное для орошения одного участка земли площадью 5 танапов. Водой Аджи-яба с согласия ее владельца Мешеди могли пользоваться и другие лица, за что они обязаны были участвовать в очистке этого канала. Очистка яба производилась в феврале каждого года. Если пайщик по очистке яба не являлся на работу, то он лишался права пользоваться водой. Из числа 23 паев владелец канавы получал три пая и сверх этого с каждого дольщика одну

²⁸ А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов и А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII — XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 308; Полевая запись от Атаджанова Тэч из села Чалюк Гасан-Кулийского района.

²⁹ Д. И. Субботич. Материалы по землеводопользованию в Закаспийской области. Асхабад, 1903, стр. 187.

восьмую часть собранного им урожая. Мираб получал два пая, а остальные участники — по паю. На земле, орошаемой канавой Аджи-яб, засеивали хлопок, пшеницу и другие сельскохозяйственные культуры.

Кара-инджик-яб получил своё название от того, что он был вырыт аламанами из рода кара-инджик. Вода этой канавы составляла 15 паев. Канава представляла собой аламанное владение. Курбан-яб был вырыт аламаном из 38 человек и делился на 38 паев воды. Пользование водой обуславливалось обязательством участия в очистке канавы. Куль-келле и Машад-ябы были вырыты таким же образом, как и Кара-инджик-яб. Канавы Ашир-яб с 80 паями, Анна-Клыч с 64 паями воды составляли также аламанное владение. Яр-Джан-яб находился в пользовании аламана из родов кем и торрук, а Дурды-Мираб-яб находился в пользовании аламана из других джафарбайских родов. Все эти ябы забирали воду из Атрека. Их очищали в году два раза, причём все пайщики данного яба обязательно должны были во время очистки выйти на работу. Невышедший на очистку канала лишался пая воды. Если бедные земледельцы исполняли работы по очистке канавы сами, то баи нанимали за определенную плату других. Аксакалы, мирабы и духовенство свои земли сдавали в аренду беднякам-издольщикам на условиях уплаты $\frac{1}{8}$ части собранного урожая. Старшина аула Джафарбай I Чекишлярского приставства Аман Какаджан имел 11 паев воды из ябов Кукурчи, Джанет, Чалюк, Машад и др.³⁰ Он арендовал земли и сдавал их крестьянам издольно за $\frac{1}{8}$ часть урожая.

Баи и духовенство жестоко эксплуатировали бедных. Духовенство внушало земледельцам, что они должны выделять в его пользу часть урожая (хушур), устраивать «богоугодные» угощения (садака, орак тасадлыгы). После таких сборов у бедняков оставалась незначительная часть урожая. Бедняки вынуждены были брать зерно в долг, а затем попадали в долговую кабалу. Самым страшным бедствием для земледельцев было маловодье Атрека. Никаких водохранилищ не было у них. Кроме того, посеы и бахчи страдали от сельскохозяйственных вредителей и заболеваний. По словам информаторов, иногда на Атреке появлялось большое количество саранчи, которая уничтожала посеы. В борьбе с этими сельскохозяйственными вредителями население было беспомощным.

Земледельческое хозяйство и земледельческая техника у джафарбайцев оставались отсталыми вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Благодаря утверждению советского строя туркменский народ освободился от вековой отсталости, социального и на-

³⁰ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 45, л. 1.

ционального гнёта. За годы Советской власти и в юго-западных районах Туркменистана были организованы колхозы и совхозы, в результате чего неизмеримо возросло благосостояние скотоводов и земледельцев — бывших бедняков. Ликвидирована эксплуатация человека человеком. Скотоводческое хозяйство и земледелие базируются ныне на достижениях науки и техники. Животноводческие колхозы и совхозы обеспечены высококвалифицированными зоотехниками и ветеринарными врачами. Всё шире внедряется заготовка кормов для скота на зиму. На смену прадедовскому деревянному плугу с железным наконечником пришли мощные тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины. Ирригационная сеть очищается не лопатами и кетменями, как раньше, а экскаваторами и современными землеройными снарядами. В настоящее время труженики Юго-Западного Туркменистана ведут повседневную борьбу за успешное осуществление семилетнего плана.

К. АТАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ЭТНОГРАФИИ ТУРКМЕН-ШИХОВ¹

Изучение так называемых «священных» (овляд) племён², существовавших прежде у туркмен, их родо-племенного состава и исторического прошлого имеет важное значение для разработки проблемы этногенеза туркменского народа. До сих пор эти племена с этнографической точки зрения мало изучены, хотя и представляют определённый научный интерес.

В исторических источниках мы почти не имеем сведений о туркменах-шихах. Настоящая статья написана на основе главным образом полевых этнографических материалов, устных преданий, собранных автором среди туркмен Кара-Кала, Кызыл-Арвата, Бахардена, Геок-Тепе. В настоящее время потомков туркмен-шихов можно встретить в различных районах Туркменистана; они живут в Ташаузе и Мары, по побережью Каспия и в южных районах республики. В Ташаузе они обитают в Калининске, Ильялы, Тахте, Ленинске. На побережье Каспия живут в основном выходцы из бывшего подразделения шихов-байгельды, они населяют, например, аулы Киянлы и Аваза.

В Ташаузе, кроме «настоящих» шихов, живут так называемые кызыл-шихи, которых считают выходцами из племени

¹ Слово «ших» — арабское по своему происхождению. В современном арабском языке означает: 1) старик, старец; 2) член палаты шейхов, сенаторов. (См. Арабско-русский словарь. Изд. 2, М., 1958, стр. 533).

² По туркменским преданиям, в состав «священных» племён в прошлом входили: ших, ходжа, ата, сеид, махтум и меджеур. (См.: Туркменоведение, № 10 — 11, октябрь-ноябрь, 1929, стр. 40).